

8. Kranzmayer E. Historische Lautgeographie des gesamtbairischen Dialektraumes, mit 27 Laut- und 4 Hilfskarten / E. Kranzmayer. – Wien : Böhlau Verlag, 1956. – 143 S.
9. Mattheier K. J. Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen / K. J. Mattheier // Nina Berend, Klaus J. Mattheier (Hrsg.). Sprachinselforschung / Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. – Frankfurt am Main: Lang, 1994. – S. 333-348.
10. Protze H. Die Bedeutung von Mundart, Umgangssprache und Hochsprache in deutschen Sprachinseln unter Berücksichtigung sprachlicher Interferenz / H. Protze // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 1969, Heft 6-7. – S. 595-600.
11. Zeitschrift Globus. VDA. 23Jg. Heft SU, Aug/Sept., 1991.

References

1. Blumfeld L. Jazyk. – Izd. 2-e. – M.: Progress, 1968. – 608 s.
2. Domashnev A.I. Sovremennyj nemeckij jazyk v ego nacional'nyh variantah (1983) / A.I. Domashnev // Trudy po germanskomu jazykoznaniju i sociolingvistike. – SPb., 2005. – S. 31-213.
3. Zhirmunskij V.M. Metodika social'noj geografii (Dialektologija i fol'klor v svete geograficheskogo issledovanija) / V. M. Zhirmunskij // Jazyk i literatura. – L., 1932. – Vyp. 8. – S. 83-119.
4. Krongrad G. «Istorija nemcev Kyrgyzstana v dorevoljucionnyj period s 1882 po 1917gg». – Bishkek, 1994.
5. Sulejmenov O. «Az i Ja. Jesse, publicistika. Ctihi, pojemy». – Alma – Ata: Zhalyln, 1990.
6. Born J. Deutschsprachige Minderheiten. Ein Überblick über den Stand der Forschung für 27 Länder / J. Born, S. Dickgießer. – Mannheim : Institut für deutsche Sprache, Oktober 1989. – 264 S.
7. Frank H. Zur sprachlichen Entwicklung der deutschen Minderheit in Rußland und in der Sowjetunion / H. Frank // Europäische Hochschulschriften. Reihe I. Deutsche Sprache und Literatur. Bd./Vol. 1323. – Frankfurt am Main, Berlin, New York, Paris, Wien, 1992. – 265 S.
8. Kranzmayer E. Historische Lautgeographie des gesamtbairischen Dialektraumes, mit 27 Laut- und 4 Hilfskarten / E. Kranzmayer. – Wien : Böhlau Verlag, 1956. – 143 S.
9. Mattheier K.J. Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen / K. J. Mattheier // Nina Berend, Klaus J. Mattheier (Hrsg.). Sprachinselforschung / Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. – Frankfurt am Main: Lang, 1994. – S. 333-348.
10. Protze H. Die Bedeutung von Mundart, Umgangssprache und Hochsprache in deutschen Sprachinseln unter Berücksichtigung sprachlicher Interferenz / H. Protze // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 1969, Heft 6-7. – S. 595-600.
11. Zeitschrift Globus. VDA. 23Jg. Heft SU, Aug/Sept., 1991.

УДК 800

*С.Ж. Мусаев, Д.О. Кенжебаев,
С.З. Садыкова
Бишкек, Киргизстан*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КИРГИЗСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся языковой политики в Киргизской Республике после обретения им независимости. В частности, объектами анализа стали отдельные тенденции и проблемы функционирования государственного языка в разных отраслях общественной жизни. Также анализируются факторы, определяющие содержательное направление языковой политики в Киргизстане.

*S.Z. Musayev, D.O. Kenzhebaev,
S.Z. Sadykova
Bishkek, Kyrgyzstan*

LANGUAGE POLICY IN KYRGYZSTAN: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Abstract. This article deals with the language policy in the Kyrgyz Republic after independence. In particular, the objects of analysis became certain trends and problems in the functioning of the state language in the various sectors of public life. Also analyzed factors that determine the direction of meaningful language policy in Kyrgyzstan.

Ключевые слова: этничность, языковая политика, глобализация, культурный плюрализм, государственный язык, официальный язык, языковой экстремизм, алфавит, реформирование алфавита.

Сведения об авторах: Мусаев Сыртбай Жолдошович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР, директор института Лингвистики КГУ им.И.Арабаева; Кенжебаев Даирбек Орунбекович, доктор филологических наук, и.о.профессора, Садыкова Сымбат Зарылкановна, кандидат филологических наук, и.о. профессора.

Место работы: Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, институт Лингвистики

E-mail: symbat_s@mail.ru

Key words: ethnicity, language policy, globalization, cultural pluralism, the official language, the official language, the language of extremism, alphabet, alphabet reform.

About the authors: Musaev Syrtbay Zholdoshovich, doctor of philological sciences, professor, corresponding member of National Academy of Sciences, Director of the Institute of Linguistics of KSU im.I.Arabaeva; Kenzhebaev Dairbek Orunbekovich, doctor of philological sciences, professor, Sadykova Symbat Zarylkanovna, candidate of philological sciences, professor.

Place of Employment: Kyrgyz State University im.I.Arabaeva, Institute of Linguistics

Проблемы, связанные с разного рода проявлениями этничности, становятся все более актуальными в свете кардинальных перемен современности. Само по себе это может показаться удивительным, так как до начала 80-х годов 20-века довольно часто можно было слышать и читать заявление как либеральных мыслителей, так и сторонников интеграции и пропагандистов «правильного котла», предсказывающих близкую кончину этничности. Однако с тех пор этничность решительно заявила о себе не только в политике таких африканских стран, как Сомали и Руанда, но также в Европе, в Советском Союзе и бывшей Югославии. Во всяком случае, этнические проблемы проявляют все признаки того, что они становятся неизбежными и более заметными почти повсюду в мире.

Действительно, этничность переплетается со многими кардинальными вопросами нашего времени, такими, как глобализация, возрастающая миграция населения, культурный плюрализм, экономическое развитие, социальные отношения, современный национализм (составляет ли он поддержку, опору «своей» или противовес «чужой» этничности), межнациональные и межгосударственные конфликты, террористическая активность, формирование и распространение диаспор и др.

Воздействие перечисленных выше внешних факторов на формирование и развитие языковой политики в странах Центральной Азии очевидно. Более того, во вновь образовавшихся независимых государствах с их обществами, которые были двуязычны и многоязычны, борьба вокруг языка (за его статус, за обязательность его изучения и использования и т.п.), как правило, является отражением и выражением конфликта, связанного со стремлением определенной этнической группы к господству, с борьбой за власть. Языковая проблема не обязательно является непосредственной причиной такого конфликта, но часто

усугубляет его. Нигерия, Индия, Шри-Ланка и другие страны подтверждают своим печальным опытом это положение.

К 1970-м – 1980-м годам многие нерусские народы Советского Союза чувствовали, что они теряют контроль над своей языковой ситуацией. Общественная гегемония русского языка повсюду активно поддерживалась, и многие слои местного, эндогенного населения свободно владели русским языком, который был основным предметом изучения во всех школах. В тоже время очень мало русских, приехавших в различные советские республики и продолжавших приезжать и селиться здесь, знали местные, родные языки коренных народов этих республик, да и они на самом деле не особенно нуждались в таких знаниях и рассматривали эти языки, по крайней мере, как менее развитые по сравнению с русским. Это была своеобразная инверсия того процесса, которая происходит почти во всех обществах, где меньшинство изучает и использует язык большинства, а не наоборот [2].

После обретения независимости бывшими союзными республиками ситуация в области языковой политики в корне меняется. Законы и постановления о языках, принимаемые в разных республиках, начиная с 1989 года и еще активнее после обретения независимости, свидетельствовали о растущей популярности языкового национализма, о стремлении преодолеть и изменить существовавшую здесь прежде языковую ситуацию путем превращения языка титульной нации каждого государства в язык обязательного изучения и общественного использования, что предвещало «передачу ему прежней роли советского языка» [2].

Нерусские нации во все большей мере обретали роль гегемона в своих собственных республиках, как в языковой сфере, так и в других сферах, при этом язык часто становился самым мощным символическим выражением и проводником национализма, катализатором политической идеологии и движений, в которых связь между языком и нацией все чаще воспринималась как нечто бесспорное, данное Богом и само собой разумеющееся.

Если язык может быть идеализирован доминирующей группой как некий символ национального единения (а часто это именно так и происходит), то и здесь доминирующие группы, очевидно, могут (и именно это они и делают) использовать те же аргументы для обоснования их собственной языковой идентичности, базирующейся на политических требованиях, или точнее контр-требованиях, противопоставляемых прежним [2].

Языковая ситуация в Киргизстане сложившаяся после обретения им независимости имеет специфический характер, нежели в других бывших союзных республиках, ныне суверенных государствах. Поскольку в Киргизской Республике языковая политика изначально не была нацелена на навязывание государственного языка представителям малых этнических групп, проживающих в Киргизстане. В частности, в Киргизстане не практиковались консервативные меры для реализации языковой политики с первых лет после провозглашения независимости, как это наблюдается в некоторых странах СНГ и Прибалтики,

где, к примеру, принимались правительственные постановления, обязывающие всех официальных лиц, государственных служащих изучать государственный язык – в противном случае они должны были уйти с работы. Как уже отмечено выше, подобные рычаги воздействия в Киргизстане не практиковались, более того принятая 5 мая 1993 года Конституция Киргизской Республики содержала ряд статей, в которых гарантировались права граждан использовать язык по их выбору как на работе, так и в обучении. Здесь также подтверждались статус киргизского как государственного языка, функционирование русского как «языка межэтнического общения» и возможность использования населением республики всех других языков. Однако, в ответ на жалобы русскоязычного населения, был подготовлен и предложен проект изменения статьи 5-й этой Конституции, в которой речь шла о языках: новый проект содержал такую формулировку, которая поднимала роль русского до уровня «официального языка», поскольку это существенно для прогресса индустрии, технологии, науки и народного здравоохранения в государстве. Однако только Нижняя палата парламента одобрила эту поправку. Дело было впоследствии передано в Конституционный суд по инициативе группы парламентариев, которые запросили, соответствует ли такая ревизия принципам Конституции 1993 года. Конституционный суд ответил, что русский язык может быть определен в Конституции как официальный язык наряду с утверждением киргизского языка в роли государственного языка.

После продолжавшихся несколько лет споров, Законодательная ассамблея Киргизстана приняла «Закон об официальном языке» от 25 мая 2000 года, по которому русский язык был признан официальным языком Киргизстана и должен был использоваться на всех уровнях административной, законодательной, судебной практики и в других сферах общественной жизни. Члены парламента выразили надежду, что этот закон поможет снизить эмиграцию – уменьшить отток русских из Киргизстана [4]. Нет сомнений в том, что представители русской общины с удовлетворением приняли эту конституционную поправку.

Для укрепления статуса киргизского языка был подготовлен проект нового закона о языке, рассмотрение которого началось в первых числах января 1998 года. 20 января 1998 года была сформирована Национальная комиссия по государственному языку, состоящая из 21 члена, призванная координировать усилия, направленные на использование киргизского языка в работе правительственных структур и общественных организаций и создать условия для широкого изучения населением республики этого языка, особенно молодежью, при поддержке радио и телевидения, книгоиздания и выпуска другой печатной продукции на киргизском языке.

На наш взгляд, невзирая на такие попытки регулирования языковой политики, в целом, не наблюдалось наличие прогрессивных тенденций в данном направлении. Многие постановления и законы носили лишь декларативный характер и оставались на уровне «благих намерений». Поскольку в определении содержательного направления языковой политики изначально наблюдается

доминирование политического аспекта. В этой связи можно обозначить наличие в данном направлении следующих противоречивых обстоятельств:

- Если билингвизм в Киргизстане чаще используется как «элегантный», «обтекаемый» намек на мирное сосуществование языков, нежели как эквивалент того соперничества и конкуренции, какие определяли отношения двух главных языков в общественной жизни в системе образования, то возникает вопрос: какие принципиальные разграничения имеют государственный и официальный языки в плане их функционирования. Не приведет ли в будущем подобная форма либерализма, граничащая порой беспринципностью к нежелательной автономии языков других этнических групп или к языковому экстремизму?
- В этом смысле остро стоит задача, связанная с определением государствообразующей, культуурообразующей, этносообъединяющей роли государственного языка и созданием соответствующих условий для реализации указанных выше функций.
- Сосуществование языков предполагает их одинаковую социальную значимость, но в Киргизской Республике знание государственного языка изначально не является приоритетом для русскоязычного населения, поскольку официальный язык, по сути, тотально заменяет общественную функцию государственного языка.

Что касается современного этапа социализации государственного языка, то в данном направлении работы ведутся согласно Национальной программе развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Киргизской Республике на 2014-2020 годы. Данная программа разработана в соответствии с Конституцией Киргизской Республики, законами «О государственном языке Киргизской Республики», «Об официальном языке Киргизской Республики», Национальной стратегией устойчивого развития Киргизской Республики на 2013-2017 годы, Концепцией укрепления единства народа и межэтнических отношений, а также Концепцией поликультурного и многоязычного образования в Киргизской Республике.

Цель Программы заключается в построении эффективной языковой политики, обеспечивающей полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления единства народа Киргизстана при сохранении и развитии языков всех этносов, проживающих в Киргизской Республике, в формировании нового многоязычного поколения киргизстанцев, свободно владеющих государственным, официальным, а также международными языками.

Для реализации подобной масштабной цели в упомянутой выше Программе обозначены следующие задачи:

- достижение полномасштабного функционирования государственного языка во всех сферах общественной жизни республики;
- дальнейшее развитие государственного языка, обогащение информационно-образовательных ресурсов и усиление его функциональных возможностей;

- совершенствование и стандартизация учебно-методических основ обучения государственному языку как родному, как второму и как иностранному;
- формирование и развитие инфраструктуры, аккредитованной сети центров по обучению государственному языку;
- стимулирование процесса обучения государственному языку;
- повышение уровня языковой культуры населения;
- кардинальное улучшение качества обучения официальному и иностранным языкам [3].

Помимо этих масштабных задач, на наш взгляд, остается не решенным вопрос относительно реформирования действующего алфавита киргизского языка. Тогда как соседние страны как Азербайджан и Узбекистан приняли новый алфавит на латинской основе, а в Таджикистане 1998 году был принят видоизмененный алфавит на основе кириллицы. Что касается Киргизской Республики, то данный вопрос время от времени поднимается исключительно в академической среде, в интеллектуальных кругах, где высказываются принципиально противоположные позиции относительно реформирования ныне действующего алфавита. В частности, одна группа ученых считает, что для реформирования киргизского алфавита нет особой необходимости, поскольку реформа может привести к нарушению устоявшихся принципов правописания, следовательно, и, финансовым затратам. Помимо этого, по их мнению, реформа алфавита может иметь негативное влияние на дальнейшее развитие киргизского языка.

Другая группа ученых считает реформу киргизского алфавита принципиально важным. Более того, по их мнению, реформа алфавита при удачной ее реализации, может поставить развитие государственного языка на качественно новое, продуктивное русло, возвращая киргизскому языку свои исконные, естественные законы на всех уровнях его функционирования. В частности, представители этой группы приводят следующие аргументы в пользу идеи реформирования действующего алфавита:

1. Необходимо убрать с киргизского алфавита 8 букв (ц, щ, ё, е, ю, я, ь, ы), акустические свойства которых, в принципе не имеют, смысловозначительную функцию (щетка – шотка, цирк-сирк, революция –революсия). Что касается мягкого и твердого знаков, то они в русском языке служат для различения слов (ср. кон и конь, мол и моль) [1], а в киргизском языке они употребляются исключительно в составе заимствованных слов с русского языка, придавая им яркий оттенок неадаптированности заимствованных слов к звуковому строю киргизского языка. Хотя до Октябрьской революции заимствование слов с русского языка происходило путем адаптации их фонематической формы к киргизскому языку (манифест – мунапыс, кровать – керebet, ящик – жашик и др.). Помимо этого, употреблением в определенных позициях букв, обозначающих два звука (я, ю, е, ё) в графике киргизского языка нарушаются правила разделения слов на слоги (коёюн, тоёюн), подобные обстоятельства усложняют

обучение киргизскому языку как в средних школах, так в высших учебных заведениях.

2. Отсутствие в киргизском алфавите перечисленных букв восстановит национальную форму произношения и правописания заимствованных слов с русского языка, при этом, исключая исторический принцип в киргизском языке, согласно которому заимствованные слова пишутся и произносятся на основе правил орфографии и орфоэпии русского языка.

3. Подобные изменения имеют позитивное действие и на практику перевода. Поскольку многие слова будут переведены путем транскрибации. Появятся новые для киргизского языка виды переводов как транскрипция, фонологический и графический переводы, при наличии которых отпадает необходимость переводить безэквивалентную лексику путем разъяснительных, обобщающих переводов, которые, в конечном счете, могут превратить киргизский язык в язык формальных, буквальных переводов.

4. Постепенно восстановится чередование гласных в заимствованных словах (протеза, эпитеза, эпентеза), следовательно, и их правильные модели склонения.

5. С отменой исторического принципа, в заимствованных словах ударение должно падать на последний слог. Фонетическая адаптация к киргизскому языку слоговой структуры заимствованных слов послужит не только для обеспечения правильности метрики, ритмики, рифмы в поэтических текстах, но обретению заимствованными словами «акустического облика», приспособленного к киргизскому языку.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что реформирование киргизского алфавита обусловлено практической необходимостью, а не дерусификацией или другими внешними, политическими факторами, как думают некоторые оппоненты изложенной выше концепции.

Из всего сказанного следует, что в языковой политике Киргизской Республики твердо сохраняются демократические принципы. Но, как показывает мировая практика, языковая политика не должна быть инструментом политической конъюнктуры, а эффективным и активным фактором консолидации общества.

Литература:

1. Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М., 1966.
2. Ландау М. Якоб, Келльнер-Хайнкеле Барбара. Языковая политика в мусульманских государствах – бывших советских союзных республиках. – М., 2004.
3. Национальная программа развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Киргизской Республике на 2014-2020 годы.
4. URL: idinov@rferl.org

References

1. Ivanova V.F. Sovremennyj russkij jazyk. Grafika i orfografija. – M., 1966.